

В.Б. КОВАЛЕВСКАЯ

КОНЬ В ИСТОРИИ И ЯЗЫКЕ ОСЕТИН

(Studia Iranica et Alanica. Rome. 1998)

Где храбрые владыки
Сбираются на битвы,
Где на горах высоких,
Укромных, полных пастбищ,
Пасется скот привольно.

Авеста, 10 яшт, 14.

“Будучи в течение ряда веков ареной непрерывных народных передвижений, столкновений и войн, степи (просторы южнорусских и северокавказских степей) выработали особый уклад жизни и особый тип человека, в характерные черты которых с железной необходимостью отливалась индивидуальность каждого народа, будь то скифы, сарматы, аланы, печенег, половцы или казаки”.

В.И.Абаев.

Продолжая мысль Василия Ивановича, я хочу остановиться только на одном вопросе – взаимоотношении как кавказского горца, так и степняка с его неизменным другом – конем. И сделать это, помня, что именно в причерноморских степях 5-6 тысячелетий тому назад впервые был одомашнен конь, использованный пастухами-скотоводами для верховой езды, при пастьбе скота, передвижениях и охоте, чтобы отсюда на протяжении последующих столетий широко распространиться в Европе и Азии.

Отправной точкой для данной статьи являются выводы В.И. Абаева относительно терминологии, связанной с конем, его экстерьером, мастьями, конским снаряжением, верховой ездой и культом коня¹, позволяющие

датировать основные моменты освоения коня вообще и в Центральном Предкавказье в частности. Мы рассмотрим кратко три группы вопросов: роль кавказского субстата, специфика индо-иранских и особенно скифских передвижений и сармато-аланский мир на Кавказе на примере использования коня, что в более полном виде изучено мною ранее.²

Начальной точкой отсчета следует считать IV–III тыс. до н. э., когда в степях Северного Причерноморья населением эпохи энеолита и ранней бронзы был приручен тарпан – небольшой, легкий, быстроаллюрный скакун, взнузданный мягкими удилами, очевидно, с наносником из сыромятных ремней, прижатых к морде псалиями из отростков рога оленя. Это – конь пастуха-овцевода и охотника на диких коней, впервые ставший культовым животным. Одомашенный конь обладает достаточно высоким ростом – 144-150 см в холке. На протяжении IV–III тыс. до н. э. происходит распространение одомашенного коня к востоку и юго-востоку, вплоть до Северного Кавказа (майкопская и новосвободенская культуры), где для управления конем создается впервые в мире металлический тип псалиев. Конь с самого начала вошел в потестарно-политическую культуру, став престижным достоянием вождей, царей и знати, поэтому все достижения в области владения конем мгновенно распространились в Евразии от Северного Причерноморья до Ближнего Востока (с III тыс. до н. э.), причем территория его освоения непрерывно расширяется (включая Балканы, Среднюю Азию, Индию). II тыс. до н. э. связано с арийскими передвижениями, использованием для запряжки коня легких двухколесных колесниц, созданных на Ближнем Востоке на основе бытовавших на первом этапе грузовых повозок для быков. Век за веком совершенствуются средства управления конем и совершенствуется сам конь – живой, темпераментный, сухой, стройный – весь наполненный скрытой силой и красотой, обладающий резвостью и неутомимостью. Достигает высот продуманный, строго профессиональный тренинг, правилом являются состязания в скачках, бегах колесниц. Высококровный “божественный” крупный конь является символом могущества каждого правителя.

Энциклопедией знаний о быстроаллюрных скакунах II–I тыс. до н. э. являются Ригведа, Авеста и Библия. Многочисленные эпитеты коня (около 30) в Ригведе отмечают все специфические черты современного ахалтекинца, углубляя их на 3,5 тысячелетия. Это “резвые”, “выстрелом взметнувшиеся”, “небесные кони, играющие силой” – благородные, вдохновенные, “неотразимые”, “мужественные”, “преданные” и “огромные”. Подчеркивается гармоничность сложения и ряд специфических ахалтекинских черт – “с прекрасными членами”, “с прямой спиной”, “широко-

грудые”, “с заполненной подпругой”. Подчеркивается и специфика движения: царственная поступь, “с прямой поступью, с прекрасной поступью”, широкая прибавленная рысь – “бежит словно по отлогому склону, ногами жадно покрывая расстояние” и летучий галоп – “распластавшись в полете, мчась вперед словно ветер”. Ригведа указывает на высокий уровень выездки и тренинга, что подтверждает тренинг митаннийца Киккули XIV в., изобилующий индийской специальной лексикой и имеющий ряд аналогий в местном среднеазиатском тренинге туркменских сеизов (сохранивших сако-массагетские и сармато-аланские традиции).

I тыс. до н. э. – это эпоха перехода от бронзового оружия к стальному, от колесниц к кавалерии, время передвижений киммерийцев, скифов, савромат-сармат из Черноморско-Каспийского междуречья в пределы Передней Азии. Темпы в изменениях вооружения, конского снаряжения, военной тактики, освоения коня в качестве боевого соратника сделались еще более быстрыми, а наши представления о самом коне и его возможностях более полными и красочными. Мы можем охарактеризовать не только экстерьер, масти, резвость, рост, характер коня, но мы уже знаем, что ценители выделяли лучших их представителей в восточную породу, называя их “небесными” или “сверхъестественными”, “сакскими” или “несейскими” – именно этими конями обладали скифы северокавказских степей, о чем мы можем судить по результатам раскопок курганов ранних скифов VII-VI вв. до н. э., произведенных В.Г. Петренко на Ставропольской возвышенности.

В эпоху “великого переселения народов” сармато-аланы познакомили Западную Европу с знаменитым восточным конем, которого западно-римские источники называют “аланским”. Именно тот факт, что конь известен был на Северном Кавказе уже в III-II тыс. до н. э., объясняет сохранение в осетинском языке кавказской субстратной формы для его обозначения. Интересно, что для характеристики ряда экстерьерных черт используются иранские по происхождению слова (например, грива – *bare*).

В осетинском эпитете для коня *wadaenzo* – “несущийся наравне с ветром” – мы видим характеристики Ригведы: “выстрелом взметнувшиеся”, “резвые, рвущиеся вперед скакуны” (III, 439)³, Авесты:

“У них ржут громко кони,
Летящие в пространстве,
И быстро колесницы
Упряжками влекут⁴”

или же Библии (Аввакум, 1, 7):

Быстрее барсов кони его
И прытче вечерних волков,
Скачет в разные стороны конница его,
Издалека приходят всадники его,
Прилетают, как орел, бросающийся на добычу.

Культурные породы лошадей отличались от диких разнообразием мастей, особенно огненно-красных и желтовато-пламенных, как отмечалось многократно в Ригведе. Правда, это особенно сложная тема, если мы хотим современное зоотехническое представление о мастях соотнести с тем набором названий и эпитетов, какими изобилует древняя литература. В этом смысле очень интересен экскурс о вороной масти в третьем томе “Этимологического словаря” В.И. Абаева – *saw*, восходящего к иранскому *suāva*, означающему “черный”. Но это же слово *sava* в сакском является медно-красным, а в древнеиндийском – темно-коричневым – следовательно, это кроме вороной – рыжая, бурая, гнедая, а возможно, игренева или караковая масти. Если прибавить к этому, что в древнепрусском так называется серая, литовском – белая или сивая, а в старославянском и русском – сивая масти, то мы увидим, что в различных индоевропейских языках, восходя к единому корню, *s̥va-suāva*, его производные отражают почти весь спектр мастей.

К авестийскому *auruša* (белый) восходит осетинское обозначение *ūrs/ors* – белый, т. е. серая масть согласно зоотехнической классификации мастей – единственная масть, многократно упоминаемая в Авесте. В Ригведе *arusa* характеризует огненную красноватую масть (*arunap-savah* – алая, цвета лучей утренней зари), что, возможно, соответствует изабелловой или светло-соловой. Правда, слово *c'æx* “серый”, по мнению В.И. Абаева, является, очевидно, кавказским субстратным словом, тогда как иранское по происхождению *xær*- сохранилось только как составная часть в *xæræg* “осел”. Причем в древнеиндийском серая масть обозначалась словом *parita* (*palita* в списке мастей XIV в. до н. э. из Нузи), тогда как серая (?) в яблоках, пестрая масть – *pr̥satī* (*υπόψορος* в греческой традиции при *ποικίλοι*, очевидно, для мышастой). Очень интересно было бы рассмотреть названия всего набора мастей в осетинском языке, учитывая, что скифо-сармато-аланские племена были владельцами всемирно известных скакунов той породы, которая сегодня сохранилась под именем ахалтекинцев. Но следует учесть, что рыжая масть в древнеиндийском обозначалась как *rohita*, *harita* и *bratha* (причем последние два названия могли характеризовать и буланных); буланая – *pinjara* (*binkarannu* в списке мастей XIV в. до н. э. из Нузи), возможно, и *sūracakgasah* – “светлые, как Солнце”) – хотя последнее название, скорее, соответствует соловой мас-

ти. “Коричневых”, следовательно бурых, возможно, гнедых лошадей в Ригведе называли *babru* (*babrunni* в Нузи), а эта темная масть сегодня доминирует в табунах горного Кавказа.

В.И. Абаев справедливо подчеркивал, что “основные названия средств передвижения и упряжи относятся в осетинском к иранскому фонду”⁶. Последнее легко объясняется исторически – эта лексика связана с временем переднеазиатских походов, в которых участвовали скифы, савроматы и местные кавказские горские племена. В осетинском слове *wardon*, обозначающем арбу – двухколесную конскую повозку, продолжение линии египетских, ассирийских, персидских и скифских боевых и погребальных колесниц, легко увидеть иранское происхождение. Причем слово *wartana* (вертеть, вращать) известно нам в качестве глоссы митаннийских ариев в хеттском тренинге XIV в. до н. э. митаннийца Киккули, где этим словом обозначался беговой круг. Иранское название колесницы сохранилось в названии оглоблей – *raetæn-ağd*, причем даже такая специфическая деталь переднеазиатских колесниц, как кожаный тяж, сохранилась в осетинском языке в названии *art’æng* (ременная веревка у саней) – еще раз отразив скифский пласт в осетинской лексике. Иранским по своему происхождению является название колеса (*calx*) и вся терминология, относящаяся к конскому снаряжению, что подчеркивал В.И. Абаев. Это название узды (*widon*), повода (*widaž*), подпруги (*æxtong*), попоны (*æftawgæ*), потфейного ремня (*dymitong*), удила (*zğællagkom*) – что может быть использовано для упряжного и верхового коня. В такой же, если не большей мере это относится к терминологии, связанной со всадничеством. В литературе укрепилась точка зрения, что если индоиранцы познакомили Азию с конем, то иранцы – с всадничеством, и вообще, начиная с рубежа II–I тыс. до н. э. вплоть до середины I тыс. н. э., историко-культурная ситуация в мире в значительной степени определялась иранскими передвижениями – достаточно нам вспомнить роль Мидии, Ирана, скифов, сармат, саков, массагетов, парфян, бактрийцев, алан и т. д. В осетинском языке это – терминология, связанная с конским снаряжением верхового коня: седло (*sarğ*), стремя (*æğdæncoj*); название всадника (*baræg*) от древнеиранского *bar-* – ездить верхом, практика организации военных походов (*balc*) дружин, имеющих древнюю, еще скифскую, традицию, описанную Геродотом. Правомерность сопоставления описания коней Ригведы, Авесты, Библии и Нартовских сказаний определяется тем, что, по словам крупнейшего знатока древних лошадей В.О. Витта, “лошадь северных предгорий Ирана и стран, непосредственно примыкавших к Ирану с севера, лошадь Мидо-Персии, лошадь Бактрии и лошадь Парфии были в основе одного и того же происхождения, типа, характера

производительности, экстерьера и окраски, хотя, может быть, между ними и наблюдались некоторые локальные отличия.”⁷

Хотелось бы совершить маленький экскурс в историю аланских передвижений в Западную Европу в развитие одного небольшого пассажа В.И. Абаева⁸ в связи со сравнением Нартовского эпоса с Артуровским циклом, в основу которого, по мнению ряда западноевропейских исследователей, лег феодальный героический эпос сармато-алан, в эпоху великого переселения народов оказавшихся на территории Галлии и Британии.

С рубежа н. э. сармато-аланы распространяются на обширные пространства Европы и Азии – до Закавказья и Ирана на юг и до Атлантики – на запад. “Аланы – племя дикое и долго неизвестное нашим, так как они сдерживались внутри вместе с прочими дикими и неукротимыми племенами непроходимостью местности внутри страны и запором железной двери...” – писал Амвросий⁹. Мы можем по годам определить путь их проникновения на запад, участие в военных действиях Римской империи, взаимоотношения с гуннами, готами и рядом других германских племен. Я. Харматта подчеркивал, что в римских провинциях было поселено около 300.000 сармат.

Толчок сарматским передвижениям в Западной Европе дали сначала готы (III в.), затем гунны (IV в.), а “великое переселение” силой многочисленных варваров опрокинуло Рим и сыграло важную роль в сложении первых варварских государств на территории Западной Европы.

Сарматы славились своей легкой конницей, а их “звонконогие” (Сидоний) кони, “пригодные для любой длины переездов” (Овидий), – резвостью и неприхотливостью. Интересно, что наряду с породистыми, быстроаллюрными скакунами типа ахалтекинцев, тонконогими, подтянутыми, с горделиво поднятой головой, которых мы знаем по росписям Боспорских склепов, у основной массы дружинников под седлом были кони попроще, степных улучшенных пород. На этих конях они отправлялись в поход одвуконь, приводя в страх противника как быстротой передвижений, так и численностью своего конного войска. Поскольку аланы, как и все сарматы, прежде всего предстают перед Римом, а позднее Византией, как конники, до нас дошли наиболее яркие характеристики их именно в этом качестве.

Долгое время в глазах римлян образцом непобедимости представляла парфянская конница. На конских ристалищах в Риме после триумфального въезда Суллы появились и прославленные парфянские скакуны. Особенно красочно описал Плутарх парфянских катафрактариев и клибанариев – тяжеловооруженных всадников, от которых “убежать не-

возможно”, их диковинные стрелы, невидимые в полете, тяжелые, с железными остриями копья; броненосные конники, “пламени подобные, – сами в шлемах и латах из маршанской ослепительно сверкавшей стали, кони же их в латах медных и железных” (Плутарх. Красе, XXIV). Парфянской коннице по силе и маневренности могла противостоять только сарматская (по мнению М.И. Ростовцева – аланская, по В.Б. Виноградову – аорсская или сиракская). “Парфянин, приученный с одинаковой ловкостью на скакивать и обращаться вспять, рассыпает свои конные части, дабы можно было беспрепятственно поражать врага стрелами, а сарматы, не используя луков, которыми владеют слабее парфян, устремляются на них с длинными копьями и мечами, и враги то сшибаются и откатываются назад, то, как в рукопашной схватке, теснят друг друга напором тел и оружия” (Тацит. Анналы, VI, 35).

В пределы Римской империи сармато-аланы проникали на своих знаменитых конях, так высоко ценившихся в кругу высшей римской аристократии. На коне восточного типа, похожем на ахалтекинца, по мнению нашего выдающегося ипполога В.О. Витта, видим мы императора Марка Аврелия – всадника. Имя знаменитого императорского коня Борисфена также указывает на его восточное происхождение.

Конечно, среди многих сотен тысяч кочевых сармато-алан в Римской империи уж по крайней мере тысячи, если не десятки тысяч, обладали высококлассными лошадьми, которые так и назывались в Риме – “аланскими конями”. Интересно, что в Пиренеях, где в V в. мы знаем алан и где до сегодняшнего дня сохранились многочисленные *Pass d’Aspe*, *Gave d’Aspe*, *Mont d’Aspe* (*Asp* – значит конь у ираноязычных алан-ассов), остались и небольшие города под названием *Asasp* (“асские-аланские кони”), *Osse-en-aspe* (“оссы-ассы-аланы на коне”).

В тех районах, где в IV-V вв. был центр *praefectus Sarmatorum et Alaunorum* (в районе Роана-Лиона), сохранились названия урочищ, говорящие о скачках, состязаниях лучников и копейщиков, особенно был развит культ Святого Георгия (что сближает эти районы с Кавказом). В Арморике также очень долго сохранялись коневодческие традиции, причем Армориканская конница прославилась в VI в., когда имя алан сходит со страниц древних авторов, но сами они остаются во многих уголках Галлии.

Интересна связь легенд о короле Артуре и его рыцарях с историческими событиями V в., происходившими в Арморике, причем сочетание в образе короля Артура черт героя и антигероя приводит исследователей к мысли, что антигерой имеет в качестве прототипа аланского короля середины V в. (*Rex Alanorum*) Гоара-Эохара. (Как в этой связи не обратить

внимание на то, что воин *Hengesta* носил имя *Eaha*). Сближает Артура с аланами культ меча, защитное вооружение коней, так как рыцари короля Артура больше всего напоминают описания сармато-алан, их оружия и внешнего облика, экстерьера их коней и их резвости.

Чтобы легче себе представить сарматского катафрактария первых веков нашей эры или рыцаря Круглого стола, приведем описание персидского тяжеловооруженного всадника, которое можно прочесть у Гелиодора. “Латами персы снабжают и коня, ноги окружают поножами, голову совсем стискивают налобниками, покрывают коня попоной, обшитой железом и спускающейся по бокам от спины до живота... Когда наступает время битвы, то, ослабив поводья и оглушив коня всем боевым шумом, он мчится на противников и кажется железным всадником или выкованной движущейся статуей. Копье своим острием сильно выдается вперед, ремнем привязанное к шее коня; нижний конец прикреплен с помощью петли к крупу, в схватке копьё не поддается, но, помогая руке всадника, только направляющей удар, само напрягается и сопротивляется, причиняет сильное ранение, и в своем стремительном полете пронзает всякого встречного, одним ударом часто пригвозждая двоих”.

Эти раннесредневековые описания можно было бы счесть за сказочные преувеличения, если бы в нашем распоряжении не было серии изображений подобных крупных стройных лошадей с красивыми изящными небольшими головками на изогнутых и высоко поднятых шеях на пиктских каменных надгробиях VIII-IX вв., найденных на территории Шотландии и хранящихся в Эдинбургском музее. Надо подчеркнуть, что этот тип восточной лошади не встречался в изображениях более раннего времени на территории Британии и Галлии, и закономерно поставить вопрос о том, откуда он появился.

Во втором веке н. э. император Марк Аврелий перевел на стену Адриана в Северной Британии из Паннонии 55 кавалерийских ал и в последующее время мы знаем на стене Адриана в составе *Petriana* 1-ой Паннонской и Сарматской кавалерийских подразделений. Исследования остеологических материалов в римских поселениях, относящихся к стене Адриана, произведенные проф. Юартом, показали наличие шести пород, а скорее экстерьерных групп, лошадей, рост которых колебался от 110-120 см (небольшие местные пони), 120-130 см (обыкновенная римская строевая лошадь) до крупных коней в 140-150 см, в которых можно видеть коней, приведенных с собой сарматами из Северного Причерноморья. Именно такого типа крупная лошадь, как пишут об этом А. Дент и Д.М. Гудолл, изображена на камне из крепостной стены Йорка, находящегося несколько южнее стены Адриана. Не об этом ли следует вспомнить, читая про

короля Артура: “Arthur brought from the Great Wall Creamy horses used to saddle”. Это те лошади для его тяжеловооруженных рыцарей, о которых было сказано: “big spirited horses in fine conditions” (ibid). Можно полагать, что высоко ценившиеся лошади восточного типа, оставшиеся в Италии, Галлии, Испании и Британии в качестве верховых коней сарматоаланских *praefecti alae equitum militum* и других кавалерийских офицеров, попадали в руки местного населения – пиктов и жителей Корнуэлла, Арморика и Испании – и оказались основой культурного коннозаводства в Европе.

Для северокавказских алан характерно погребение коня или его шкуры в погребение, вместе со всадником, причем особенно интересен один случай, когда рядом с погребением в специальной яме была положена передняя половина коня. В этом мы видим археологическую иллюстрацию к известным нам по письменным источникам римским празднествам *Equus October*, типа индийской Ашвамедха, когда, сохраняя древние культы, конь разрубался на две части. Изображения этого же времени в Кавказской Албании – конная статуэтка царя Джеваншира выполнена в традициях пост-сасанидского искусства – конь крепко сбитый, с небольшой головкой и круто изогнутой шеей, довольно короткий. В этой связи представляет интерес рисунок конной статуи Юстиниана, сидящего на коне очень длинных линий, достаточно поджаром, с высоко поднятой шеей и изящной, маленькой, слегка горбоносой головкой. Близки к этому облику коня по экстерьеру аланские амулеты Центрального Предкавказья VIII–IX вв. н. э. Конь изображается с круто изогнутой шеей, тонкой мордой, без гривы, но с длинным хвостом, на высоких тонких ногах, поджарый – типичный аргмак, быстроаллюрный ахалтекинец. Как не вспомнить здесь строчки нартовского эпоса:

“С шеей змеиной – конь сухопарый...”, “...с лебединой шеей твой гнедой тонкий, в две ладони шириной готов к взлету...” На конях не видно следов седла, а на всаднике – боевого снаряжения, хотя прямая посадка с сильно согнутыми ногами свидетельствуют об опоре на стремяна.

В нартовском эпосе многократно повторяется сравнение со змеей:

С прирученными орлами, над головою парящими,
На сиво-вороном, с шеей, как у змеи, сухоголовом,
Поджаром коне...
Свою рыжую Хуару (коня) за поводья ведешь,
На ней серебряное седло;
Золотая плетка рассекает воздух,
Едешь – как будто летишь.

Причем этот же образ коня-змеи как эпитет аланского коня сохранился до времени Низами Ганджеви:

И алан в поле выехал; биться умея,
Не коня оседлал он для боя, а змея.

Интересно, что среди аланских амулетов солярного типа с изображением верховых коней и всадников существует и вторая порода коня. Это быстроаллюрный конь на высоких ногах, держащий голову “в сборе”, с крутым затылком и красиво изогнутой шеей. Обращает внимание “щучий” профиль, что является одним из специфических признаков арабской лошади, красивая, то длинная и мохнатая, зачесанная вправо, то подстриженная короткая грива. Хвост короткий, очевидно, специально подвязанный. Он “вписывается в квадрат и имеет другие пропорции, чем конь первого типа. Это положение о двух породах находит подкрепление в нартовском эпосе, где даже специальной терминологией выделяют “аласа” – мелкую породу выносливых коней (амулеты типа 2) и “авсург”, отличающихся выносливостью и необыкновенной быстротой (амулеты типа 1), иногда их называют «хуар». Сармато-аланские переселения первых веков познакомили Западную Европу именно с этими “аланскими конями”, с величайшим достижением культурного коннозаводства – восточной породой быстрых верховых лошадей, сохранившейся до сегодняшнего дня в ахалтекинцах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АБАЕВ В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I, 1958, т. II, 1973, т. III, 1973, т. IV, Л., 1989.
2. КОВАЛЕВСКАЯ В. Б. *Конь и всадник. Пути и судьбы*. М., 1977; *Кавказ и аланы. Времена и народы*. М., 1984.
3. *Ригведа*. Мандалы I-IV. М., 1989.
4. *Авеста*. Избранные гимны. Перевод проф. И.М. Стеблпн-Каменского. Душанбе, 1990, с. 114.
5. АБАЕВ В. И. *Историко-этимологический словарь...* 1958, с. 55
6. ВИТТ В. И. *Лошадь Древнего Востока. Конские породы Средней Азии*. М., 1937.
7. АБАЕВ В. И. Нартовский эпос осетин. – *Избранные труды*, т. I. Владикавказ, 1990, с. 206-207.
8. АМВРОСИЙ. О разрушении города Иерусалима, кн. 5. – *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе*, т. II. *Греческие писатели*. СПб, 1893, с. 348.